

Круглый стол

**ДИАЛОГ КУЛЬТУР:
САМОБЫТНОСТЬ, ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ТОЛЕРАНТНОСТЬ**

Дом ученых им. А. М. Горького Российской Академии наук
26 мая 2006 года

ДИСКУССИЮ ВЕЛ

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ член-корреспондент РАО, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ

УЧАСТНИКИ:

- В. М. ДИАНОВА** профессор Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук
- С. Н. ИКОННИКОВА** заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского университета культуры и искусств, профессор кафедры культурологии СПбГУП, доктор философских наук, Заслуженный деятель науки РФ
- А. В. КУЗНЕЦОВ** учитель истории школы № 1253 г. Москвы, сотрудник Агентства «Р. И. М. Портер Новелли»
- А. Г. КУТУЗОВ** ректор Московского гуманитарного педагогического института, доктор педагогических наук, профессор
- А. А. ЛИХАНОВ** академик РАО, президент Международной ассоциации детских фондов, председатель Российского детского фонда, писатель
- В. П. ЛУКЪЯНИН** сопредседатель Союза российских писателей, писатель, литературный критик, кандидат философских наук, Заслуженный работник культуры РФ
- Ф. А. ЛУКЪЯНОВ** главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»
- В. Ф. ПЕТРЕНКО** член-корреспондент РАН, заведующий лабораторией психологии общения и психосемантики Московского государственного университета, доктор психологических наук, профессор
- Г. М. РЕЗНИК** заведующий кафедрой адвокатуры Академического правового университета при Институте государства и права РАН, президент Адвокатской палаты г. Москвы, член Общественной палаты РФ, кандидат юридических наук, доцент, Заслуженный юрист РФ
- Ю. А. РЫЖОВ** академик РАН, президент Международного инженерного университета
- Г. А. САТАРОВ** президент Регионального общественного фонда «Информатика для демократии», кандидат технических наук
- Ю. В. СЕНЬКО** академик РАО, заведующий кафедрой педагогики Алтайского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор
- Г. Г. СИЛЛАСТЕ** заведующая кафедрой социологии Финансовой академии при Правительстве РФ, эксперт Комитета по социальной политике Совета Федерации Федерального собрания РФ, президент Международной ассоциации «Женщины и развитие», доктор философских наук, профессор
- В. В. СОГРИН** главный редактор журнала «Общественные науки и современность» РАН, доктор исторических наук, профессор
- В. Е. ЧУРОВ** заместитель председателя Комитета по делам СНГ и связям с соотечественниками Государственной Думы РФ, профессор кафедры экономики СПбГУП
- Б. Г. ЮДИН** член-корреспондент РАН, заведующий отделом комплексных проблем изучения человека Института философии РАН, главный редактор журнала «Человек», профессор

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ

— Дорогие друзья, мы продолжаем международные Лихачевские чтения. Утром у нас прошло пленарное заседание, а сейчас состоится круглый стол «Диалог культур: самобытность, глобализация, толерантность». Предлагается обсудить целый ряд вопросов: «Декларация прав культуры», диалог как феномен культуры, глобализация и демократия, диалог культур и пределы толерантности, историко-культурная самобытность России и модернизационные процессы в современном мире, современные субкультуры, соотношение самобытности и мультикультурализма.

Г. М. РЕЗНИК

— Есть необходимость обоснования в нынешнем общественном сознании таких категорий, как демократия, либерализм и свободный рынок. Западное мировоззрение, преодолевая сопротивление, встречая достаточно жесткую оппозицию, в том числе в форме терроризма, тем не менее охватывает все большее и большее количество стран. Сейчас на путь исключительно ускоренного экономического развития вступили такие страны, как Китай, Индия, ожидается экономический прогресс в Бразилии и Индонезии. Что касается культуры, то можно назвать персоноцентристской только западную культуру. На Востоке господствуют до сего времени ценности традиционные, и культуру можно назвать не персоноцентристской, а системоцентристской, то есть интересы страны, нации, общества, государства превалируют над интересами личности. Встает очень важный вопрос: при сохранении системоцентристской ориентации возможен будет экономический прогресс в этих странах? В длительной исторической перспективе я отвечаю на этот вопрос отрицательно, в некоей короткой перспективе — положительно. Известно, что становление Советского Союза как мощной империи проходило на базе системоцентристского подхода, личность не значила практически ничего, то есть индивид использовался как некое средство для обретения, построения могущественного государства. Когда возможно при системоцентристской конструкции обеспечение экономического роста? Что означает экономический рост? Это означает то, что традиционно бедные страны не хотят мириться с бедностью. И поэтому стремятся к исключительно материальным ценностям и обеспечению достойного человека существования, но человека в том образе, каковой представлен сейчас в международно-правовых актах — «Хартии прав человека», «Пакте гражданских и политических свобод», то есть к образу человека, определяющего

международно-правовую планку, к которой необходимо стремиться. Однако сейчас в риторике представителей высшей власти опять звучат идеи державности, патриотизма, необходимости руководствоваться только высокими целями. Я считаю, что сейчас это невозможно, потому что, в общем, мы этот путь исчерпали. Весь ход развития доказал, что построить благополучное в экономическом и социальном отношении общество можно только на тех ценностях, которые, соответственно, всем известны и которые закреплены в международно-правовых актах. Это признание безусловного приоритета прав человека при рыночной экономике, то есть при тех ценностях, которые называются либеральными. Или мы наладим действительно эффективную экономику на реальных основаниях, или будущее нашей страны представляется мне весьма и весьма сомнительным.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ

— Мне была очень интересна тема, которую Генри Маркович затронул в первой половине дня, закончив свое очень яркое выступление фразой: «Свобода слова — это величайшее право человечества». На мой взгляд, ничего нельзя абсолютизировать, в том числе и свободу слова, и права человека. Зададимся простым вопросом — что такое свобода слова? А что, если эта свобода призывает к погрому? Полагаю, сейчас все должно строиться на балансах, и диалог культур предполагает достижение именно баланса. Как известно, в начале 1990-х гг. Хаддингтон заявил, что в XXI в. мировые конфликты возникнут не из-за передела рынков, не из-за борьбы за территории, а из-за непонимания одними народами других. И сейчас мы видим, что передел рынков не отменен, но настоящие культурные конфликты происходят. Боюсь, что абсолютизация чего-либо — это прямой путь к конфликтам, потому что как только мы абсолютизируем один принцип или что-то одно из системы построения человеческих отношений в культуре, то сразу ущемляем что-то другое. Так и интересы личности, наверное, все-таки должны быть поставлены в соответствие с интересами общества.

Ю. А. РЫЖОВ

— Начну с небольшого комментария к той дискуссии, которая возникла сейчас между вами и Г. М. Резником. Механизмы той балансировки, о которой вы говорили, существуют уже давно. Это баланс исполнительной, законодательной и судебной властей, и если они эффективны, не коррумпированы, если они не искажены, что мы имеем в нашей

стране сегодня, то баланс, о котором шла речь, может быть достигнут.

Я хочу вернуться к сегодняшней утренней дискуссии, Д. А. Гранин подчеркнул причины успешности пути Д. С. Лихачева, превращения его из высококлассного ученого, известного в широких научных кругах в стране и мире, в морального лидера, в нравственный эталон, чтимый и слышимый широкими кругами населения страны. Причину этого Даниил Александрович обозначил — телевидение. Практически тот же путь к широкому признанию и моральному лидерству прошел мало кому известный из-за своей секретной деятельности другой замечательный ученый — А. Д. Сахаров. Появление таких уникальных людей — явление редчайшее. К сожалению, для нашего времени характерно отсутствие на «зачищенном» пространстве публичной политики в России личностей, пусть не столь выдающихся, не такого масштаба, но слышимых, признаваемых по своим умственным, гражданским и моральным качествам. Уверен, что таких людей достаточно много, но у них нет пути доступа к людям. Нет теперь того телевидения, и вообще тех средств массовой информации, которые были во времена Лихачева и Сахарова. Зато есть списки людей, составленные то ли властью, то ли ее холуями, доступ которым на телевидение, а тем более в прямой эфир, категорически запрещен; есть и списки запрещенных тем.

Г. А. САТАРОВ

— Как известно из теории коммуникации, наше понимание текста определяется, во-первых, его содержанием, во-вторых, представлением об источнике, откуда поступает текст, и, в-третьих, контекстом. Если бы текст о необязательности абсолютизации прав человека Г. М. Резник услышал от Л. М. Алексеевой, то, видимо, реакция была бы одна. Но когда об этом заявляет представитель органов власти, представитель государства, которое ограничивает права граждан выбирать, которое ограничивает права граждан на информацию и доступ к информации, то он воспринимает это как контекст и соответствующим образом интерпретирует эти слова. Поэтому для меня его реакция абсолютно объяснима. Теперь я перехожу, собственно, к сути нашей дискуссии. Хочу вам предложить некий альтернативный взгляд на сравнение культур, а стало быть, на самобытность, выбор пути и т. д. Для того чтобы моя точка зрения была понятнее, начну с интересного примера из этнографии. Среди североамериканских племен есть племя наскапи, у которого существует ритуал: перед тем как идти охотиться, шаман племени коптит над кост-

ром лопатку оленя — это такая треугольная плоская кость, — потом смотрит, куда направлен самый длинный «язык» копоти и направляет туда свое племя. То есть речь идет о датчике случайных направлений. Представьте себе, что в этом племени происходит революция, и власть захватывает главный охотник, который говорит: «Чего нам 500 лет дурили головы эти шаманы?! Помните, какого оленя мы завалили у Нижнего ручья? Поэтому теперь надо охотиться только у Нижнего ручья...» Все закончится весьма плачевно — племя вымрет. Поскольку вы наверняка помните главную теорему теории игр: если твой противник использует против тебя случайную стратегию, то твоя ответная стратегия не может быть детерминированной; оптимальной может быть только случайная стратегия. Проблема в том, что мы живем в условиях постоянной игры с как минимум одной непредсказуемой средой. Эта среда называется «будущее». И игра с этим случайным будущим может быть только с применением случайности. Я озвучу следующую крамольную мысль. Различие двух культур — западной и восточной — состоит в том, что они по-разному внедрились в себя хаос. Западная культура внедрила его через институализацию хаоса. Приведу самый последний и свежий пример нашего личного российского неудачного опыта институализации хаоса. Задайте себе вопрос: зачем нужны выборы? Почему говорят правильные демократы, что выборы правильны тогда, когда их результат непредсказуем? Потому что одна из ключевых функций, я это утверждаю и готов доказывать в более длительной дискуссии при другом регламенте, — это генерация случайных направлений развития. Есть, конечно, множество других функций, любые институты, вы прекрасно знаете, многофункциональны, но обычно эта функция выборов слабо рассматривается. Но это та же самая лопатка оленя, это случайная игра с будущим. Таков путь западный. Восточный путь, если говорить, например, о китайском, другой, — он имплантирует хаос не в институты, а в мировоззрение. Известно, что китайское мировоззрение — это сплав двух философий: конфуцианской — философии порядка и даосизма — философии хаоса. И то и другое смешано в повседневных и фундаментальных представлениях современных китайцев. Вы знаете китайскую историю, их отношение к революциям, условно говоря, абсолютно спокойное отношение как к чему-то неизбежному. Накапливаются дефекты, так сказать, действующего направления, потом происходит нечто хаотическое и абсолютно непредсказуемое, и начинается движение в другом направлении.

Ф. А. ЛУКЬЯНОВ

— Я оттолкнулся тоже от той дискуссии, которая завязалась на первом заседании и продолжилась здесь. Мне кажется, что слово «глобализация», столь популярное сейчас, употребляется в связи с совершенно разными явлениями, его по-разному интерпретируют, и существует множество различных определений. Применительно к тому, о чем мы говорим, глобализация — это стирание границ, но не только в прямом смысле, то есть национальных, экономических, но и стирание границ между идеологиями, какими-то картинками мира, которые раньше были очень четко разграничены. С одной стороны, можно сказать, что в процессе глобализации побеждает, скажем, либеральная западная система, система рынка. Понятно, что плановое хозяйство оказалось практически везде неконкурентоспособно, и те страны, которые раньше шли этим путем, теперь перенимают то, чему они раньше противостояли. С другой стороны, перенимая эти правила игры — рыночные или как бы западные, — они адаптируют их таким образом, что выхолащиваются очень многие понятия, которые раньше были несущими. То есть та рыночная экономика, которая утверждается в Азии, заметно отличается от той, которая изначально была на Западе. Сами понятия, запущенные с Запада и вполне победившие в идеологическом противостоянии, возвращаются обратно и вызывают ту реакцию, на которую на Западе не рассчитывали. Более того, мне кажется, что сейчас мы видим процесс формирования совершенно неожиданных конструкций — политических, идеологических, когда пока в не очень явной, но уже заметной форме возникает потребность в защите в глобальном смысле. И противопоставление, о котором говорил Г. М. Резник, между интересами личности и интересами системы сейчас в определенной степени начинает вытесняться другим противоречием — между интересами безопасности той же самой личности и системы (когда-то они совпадают, когда-то — нет) и интересами свободы.

Напомню слова Д. С. Лихачева о том, что Россия, безусловно, европейская страна. Я целиком и полностью с этим согласен. Мне кажется, что все наши интеллектуальные конструкции, с помощью которых мы пытаемся сами себе доказать, что мы не европейцы, а евразийцы или кто-то еще, разбиваются об один простой факт: как бы мы сами к себе ни относились, Европа нас при всех поправках воспринимает европейцами, а Азия нас азиатами никогда не воспримет, то есть это абсолютно другой мир, для которого Россия является чужой. Кстати, что такое азиатский

путь, если убрать всяческие украшения? Это абсолютно беспощадная эксплуатация рабочей силы без каких-либо социальных гарантий, без пенсионной системы и хищническое использование ресурсов и окружающей среды. Очень сомневаюсь, что такой путь вообще кому-нибудь в России был бы интересен.

Что касается осмысления прошлого, то вместо того чтобы реально задуматься о его уроках, из каких-то элементов прошлого (причем элементы совершенно разные, друг с другом иногда с трудом сочетающиеся) пытаются, как из строительного материала, построить то ли национальную идею, то ли идеологию, то ли вообще какую-то оболочку для того, чтобы ее «нахлобучить» на происходящие события. По-моему, это роковая ошибка, которая приводит к тому, что Россия, к сожалению, на многих этапах своего развития движется по кругу.

В. М. ДИАНОВА

— Мне кажется, что ключевое слово сегодняшней встречи — глобализация. О диалоге культур мы говорили раньше, но именно глобализационные процессы поставили эту проблему очень остро. И, может быть, беда в том, что возникли сначала глобализационные процессы как факт, как объективная реальность, с которой мы столкнулись, и только потом разного рода теоретические концепции, которые попробовали эти процессы осмыслить. Следует четко различать глобализационные процессы в сфере экономики и в сфере культуры. Потому что в первом случае они ведут к унификации, к единообразию, и не надо автоматически такие же характеристики переносить на сферу культуры. Любая культура тем богаче и тем более ценна, чем больше в ней разнообразия внутри. Поэтому, говоря о глобализационных процессах, я бы хотела подчеркнуть не то, что глобализационные процессы — это стирание границ, а это взаимопроникновение и, может быть, переход, переступание, но все-таки не стирание.

Почему возникает такое яркое противостояние этим глобализационным процессам? Потому что как раз глобализационные процессы пугают тем, что в сфере культуры это может привести к унификации, единообразию. И мне кажется, что задача культурологов и политологов — выработать такие концепты, которые помогли бы сохранить многообразие культуры в период глобализационных процессов. Обратимся к проблемам Болонского процесса, которые предусматривают соблюдение необходимых требований и стандартов для всех присоединившихся к этому процессу

стран, однако во всех документах прописано, что приветствуется и сохранение национальной специфики в образовании. То есть тем мы будем и ценны, что привнесем в этот образовательный процесс свою национальную специфику.

Чтобы осмыслить все эти процессы в сфере культуры, нужна соответствующая терминология. И если в сфере экономики мы прибегаем к термину «унификация, единообразие», то в сфере культуры, мне кажется, как раз уместно говорить о создании универсальной культуры, понимая под универсальностью в данном случае то общее, которое вмещает в себя множество, то есть общее, которое содержит в себе много разных составляющих. Существует еще один термин, который, я думаю, отчасти объясняет тенденции в культуре, — гибридизация культуры, соединение, взаимопроникновение Запада и Востока. Есть такой термин, который предлагают по отношению к культуре, — андрогинизация культуры, то есть в данном случае под андрогинностью понимается соединение западных и восточных тенденций.

Я вижу смысл нашей сегодняшней встречи в том, чтобы мы постарались выработать какие-то стратегии, объяснительные концепции, которые и позволяют сохранить национальное многообразие в условиях глобализации и не подвергнуться унификации.

Г. Г. СИМЛАСТЕ

— Позволю себе выступить в несколько непривычной роли — хорошего стрелочника на железной дороге и предложить несколько перевести вектор от глобальных проблем мирового контекста на реальную российскую почву, на базе которой мы эти глобальные идеи пытаемся реализовать. Когда мы говорим о том, что на сегодняшний период времени глобализация ставит совершенно новые проблемы, касающиеся подготовки кадров, сохранения культуры, влияния на национальную культуру, то мне думается, что сегодня стоит задаться вопросом: в наших многочисленных российских национальных вузах кого мы в итоге формируем? Сегодня экономические специальности многим вузам дают возможность выжить. По существу, мы формируем совершенно новую страту — новую экономическую интеллигенцию России. Через эту когорту новой экономической интеллигенции России какие мы взгляды ретранслируем? Мы из молодых людей воспитываем специалистов, которых требует западный рынок, — узких профессионалов или мы пытаемся в них сохранить те наши духовные идеи высокой национальной российской

культуры? Через кого мы будем ретранслировать не только экономические идеи, но и способность просчитать социальные последствия принимаемых глобальных экономических решений? Мне кажется, социальная ответственность — это одна из граней российской духовности, которая всегда была характерна для интеллигенции. Речь идет о приоритетных ценностях. На первом месте — формирование предприимчивости, а отнюдь не духовные, нравственные ценности, о которых мы привыкли говорить. Второе место занимает уверенность в своих профессиональных знаниях, третье — постоянное совершенствование профессионального уровня, инициативность, и лишь четвертое — интеллигентность. Какие же ценности в духовном контексте мы будем считать приоритетными при формировании специалистов нашими многочисленными экономическими вузами, кого мы выпустим на международный рынок труда?

И абсолютно противоположный, большой вопрос — представительство нашей сельской интеллигенции в формировании ценностей и сохранение ценностей культуры в России. Сельская интеллигенция вымирает, если принять во внимание, что у нас в 8 % российских сел больше нет ни одного жителя, а в 10 % живет менее 25 человек. Итак, экономическая и уходящая на задний план сельская интеллигенция — каким образом через эти две очень мощные по своей силе влияния и очень разные в российской сегодняшней действительности страты интеллигенции мы с вами будем ретранслировать те глобальные культурные ценности, о которых сегодня справедливо говорим?

А. А. ЛИХАНОВ

— Есть наши разговоры о высоком, и есть жизнь, которая нас окружает. Я хочу вам преподнести несколько публичных «оплеух», которые в том числе предназначены и мне. В прошлом году в нашей стране дети совершили 1200 убийств, 150 тыс. детей привлечено к уголовной ответственности. 13 тыс. преступлений и уголовных дел возбуждено по отношению к девочкам. В нашей стране 740 тыс. детей-сирот. При этом после Второй мировой войны их было 678 тыс. Растет число колоний для несовершеннолетних детей; в 1991 г. в России было 850 детских домов, сегодня их 2100. Министерство образования и науки получило предложение закрыть 5500 малокомплектных сельских школ. Президентом была предложена идея закрыть государственные детские дома и передать детей на воспитание гражданам с соответствующими финансовыми гарантиями. Мы

переживаем по отношению к детству эпоху непонимания государством его проблем. И мне кажется, что интеллигенция — единственная часть общества, которая способна объяснить нашей власти суть проблемы.

В. В. СОГРИН

— Я хочу вернуться к той схеме, которая заявлена в качестве главной на круглом столе «Диалог культур: самобытность, глобализация, толерантность». Угрожает ли глобализация равенству культур? Безусловно, угрожает. Соединенные Штаты Америки — самое богатое в мире общество, имеющее колоссальные возможности для того, чтобы утвердить свою культуру в качестве глобальной. Но дальше западная цивилизация и сами Соединенные Штаты Америки, благодаря демократии и либерализму, попадают в достаточно опасную ловушку, которую защитники национальных культур могут использовать. Я имею в виду одну из центральных тем концепции современной западной цивилизации — мультикультурность, которая проповедует равенство всех культур. Эта основополагающая заповедь современного либерализма и демократии оказывается в очевидном противоречии с тем, как понимает либерализм и демократию коллега Резник. С его точки зрения на либерализм и демократию, существует только одна концепция прав человека, а все остальное — это бесправие. Но с точки зрения концепции мультикультурности, которая является основополагающей ценностью в современной западной цивилизации и Соединенных Штатах Америки, возможны разные концепции прав человека, у каждой из существующих цивилизаций свои представления о правах человека.

Относительно абсолютной свободы. При наличии множества субкультур нужно изыскивать возможности и механизмы толерантности, консенсусы, и абсолютная свобода, конечно, таким механизмом быть не может. Согласно Лотману, свобода — это культура самоограничения, и если каждая субкультура не выработает для себя запрет, то хаос, конфликт культур неизбежен.

Сегодня массовая культура обладает огромным влиянием, и в результате обычная человеческая мораль, десять основных заповедей уже представляются элитарной культурой, доступной и приемлемой только для малой части общества. Мне кажется, что диктат массовой культуры в рамках российского общества обусловлен двумя факторами. Пока что сегодня назывался только один фактор — это то, что массовая культура приносит прибыль, поэтому средства массовой информации ее распространяют. Но я бы хо-

тел обратить внимание на второй фактор, который, на мой взгляд, очень важен. Массовая культура обслуживает интересы власти. Власть заинтересована в ее насаждении, поскольку массовая культура зомбирует сознание населения и отвлекает от возможности конфликта с властью.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ

— Позволю себе тоже высказаться, потому что В. В. Согрин затронул несколько вопросов, которые меня очень волнуют, и остаться в стороне я не могу. Небольшая ремарка: раньше на телевидении была цензура обкомов, центрального комитета партии. Сейчас нам рекомендуют руководствоваться критериями опросов Гэллапа. Это означает, что на место ЦК пришла американская корпорация, которая проводит весьма сомнительные опросы весьма сомнительными методами, получая весьма сомнительные результаты.

Далее — меня очень серьезно волнует то, что происходит с мультикультурализмом. Эта новая проблема хорошо просматривается на примере Соединенных Штатов. США всегда считались культурным котлом, тиглем, в котором переплавляются очень многие культуры в господствующую англо-протестантскую культуру белой расы. Сегодня впервые им угрожает опасность со стороны мексиканского и китайского населения. Мой друг, ректор американского университета, делился со мной: «Я семь лет назад преподавал на испанском языке, а сейчас — на мандарино-китайском языке. Мой бизнес этого требует, но я в ужасе, я не знаю, что мне с этим делать». Что будет делать Америка, когда ее захлестнут национальные меньшинства, которые превратятся в национальное большинство и потребуют перемен в системе массовых коммуникаций, причем очень глубоких? Сохранится ли гражданский мир в этой ситуации? Россия всегда была чрезвычайно терпима к другим народам, к другим верам и очень мягко переплавляла иноверцев и в свою религию, и в свою культуру. Но как мы будем жить, когда у нас, например, в Петербурге мусульманская часть населения сравняется по численности с той частью населения, которая свои корни видит в христианстве? Сохранение национальной самобытности — очень серьезная проблема, которая, кстати, при разумном подходе может решаться. Но как будет решаться проблема, когда культура национального меньшинства достигает критической массы? Будет ли достигать культура самоограничения, станут ли тут более многочисленные мощные этносы прислушиваться к малочисленным этносам — очень большой вопрос.

В. Ф. ПЕТРЕНКО

— В культуру входит не только ее экономическая составляющая или право, о чем сегодня шла речь, но и состояние сознания, которое культивируется и присуще разным культурам, возьмем индуизм, конфуцианский Китай, Юго-Восточную Азию. Измененное состояние сознания — это не только некая экзотика — медитация, молитва, но и состояние фанатов на футбольных стадионах или на концерте своего кумира. В культуру входят и психотехники, которые задают эмоциональное состояние человека.

Теперь коротко коснусь того, о чем говорил В. В. Согрин: как избежать культурной унификации. Если вспомнить принцип необходимого равноправия Эшми, то достаточно большой, сложной системе, которой является мировая цивилизация, необходимо определенное разнообразие культур, запас идей, культурных стереотипов, системы ценностей, чтобы человечество выбирало возможные пути, идеологию, культуру. Но избыток, как мы знаем из биологии, ведет к мутации, в нашем случае — к появлению людей вне культуры и пр. Что касается культуры как наличия определенных форм ограничений, то профессор Назарикян разрабатывает так называемый закон Седова: для того чтобы система развивалась на более высоких этажах, чтобы она имела свободу развития, она должна стандартизировать некоторые нормы на более низких этажах, то есть определенная форма стандартизации более низших форм освобождает общественное сознание для выбора свободы на более высоких уровнях. Возьмем религиозные нормы. Почти все они начинаются с «не»: не убей, не укради, не прелюбодействуй и т. д. Примерно 2000 лет назад была выработана система ограничений, которая позволила осевым цивилизациям сделать мощный рывок в цивилизационном развитии. Мне кажется, определенный кодекс взаимоотношения культур, стран должен существовать. Невозможен толерантный диалог, если в современном Афганистане человека могут приговорить к смертной казни за то, что он христианин. Есть определенные нормы, которые страны должны принять, чтобы войти в цивилизационную семью народов.

Ю. В. СЕНЬКО

— Одним из важнейших уроков Д. С. Лихачева является понимание того, что XXI век — это век гуманитарной культуры, то есть культуры, связанной с обращением к другому, к его духовному опыту за сомыслием, сочувствием, содействием. Именно так понимается педагогический процесс. Если он понимается иначе,

то все выстраивается по-другому и от лукавого, и тогда на первый план выходит предмет, а не те смыслы, которые стоят за ним. Если вы помните, в свое время еще В. А. Сухомилинский заметил, что образование оказалось оторванным от духовного опыта ученика, и это до сих пор остается центральной проблемой образования. Для меня, например, глобализация образования — это выстраивание его на гуманитарных отношениях вне зависимости от того, в какой культуре это происходит. И тогда возникает задача услышать друг друга и понять. Об этом знал еще Платон, он видел опасность, которая заключалась в том, что чем квалифицированней говорит человек, тем больше он теряет способность к разговору, потому что главной ее характеристикой является умение слышать другого. Последний из столпов Ренессанса, Бальтасаре Кастильоне, написал трактат «Идеальные придворные». Каким должен быть идеальный придворный? Оказывается, идеальный придворный — это не только тот, кто обладает всеми знаниями, обращен к другому, добр, внимателен, заботлив. Если перевести это на педагогическую тему, то даже всем этим обладая, учитель не будет идеальным. Идеальным он оказывается тогда, когда он видит и вычерпывает для себя из сложившейся ситуации задачу, которую никто, кроме него, решить не может, и тогда, когда эта задача выступает для него как нравственное условие его существования и самоопределения в культуре. Наша забота заключается в подготовке учителя-интеллекта, учителя страдающего, понимающего, сомневающегося, принимающего других такими, какие они есть со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это, думаю, первейшая задача становления нового человека, именно человека культуры.

С. Н. ИКОННИКОВА

— Я хочу вспомнить сегодняшнее пленарное заседание и выступление М. Б. Пиотровского, в котором он высказал сожаление по поводу того, что слово «культура» исчезло из правительственных документов, в том числе из послания Президента. И проекты, которые намечались, тем более в сфере образования, могут относиться к культуре, но все-таки на правительственном уровне этот вопрос не обсуждается. Определенную инерцию социального и культурного развития мы имеем. Так или иначе мы еще долгое время будем ждать или как-то ориентироваться на ту стратегию, которую вырабатывает общество и которую мы хотим поддерживать, разрабатывать дальше, соглашаться или нет. И в этом смысле та свобода слова,

которая существует, позволяет держаться именно в данных рамках.

Если говорить о проблеме глобализма, то прослеживается несколько достаточно четких тенденций. Первая связана с мистификацией глобализации, она становится страшилкой, и на этом фоне возникает психологическое состояние отторжения и, что самое опасное, недоверия. Вторая — антропологическое измерение глобализации. Мне кажется, оно сейчас едва ли не главное потому, что с финансовым, экономическим, экологическим, политическим все ясно. А человек? Каков он — человек мира? Третья тенденция — взаимодействие мировой и национальной культур. Какое место Россия и русская культура, кроме Достоевского, Чехова, занимает в этой мировой культуре? С этих позиций и следует вести диалог, который вполне реален.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ

— Я хотел бы еще сегодня обратиться к Г. А. Сатарову. Вы меня, признаться, запутали совершенно — речь идет о том, возможно ли воспринимать историю как теорию случайных чисел или это процесс, происходящий в результате самопроизвольно выбираемых человеком стратегий. А почему, собственно, оппонент должен выбрать случайную стратегию? Почему выборы — это случайный процесс? Почему обязательно вся наша жизнь — это игра? Д. С. Лихачев примерно десять лет назад на одной из наших дискуссий говорил о том, что он верит в волю человека. И он не говорил про случайности, он понимал ее в другом смысле — как неопределенность, порожденную неизвестностью столкновения воли разных людей. Чья воля победит, чья харизма, интеллект, идеи и так далее, какая личность победит, то и случится. Лихачев представлял себе историю в значительной степени как результат столкновения деятельности личностей, которые за собой кого-то ведут.

Теперь я хочу признаться в одной вещи. С. Н. Иконникова побудила меня это сделать. Как ученому мне интересно изучать другие культуры. И сегодня М. Б. Пиотровский сказал потрясающую фразу: «Надо уметь получать удовольствие от чужой культуры». Я как турист обожаю индуса в чалме в Индии, араба в Египте, американца в Америке. Но если я перейду на свой личностный уровень и вообразу, что выйду на Невский и увижу там большинство людей в бурнусах, чалмах и паранджах, то почувствую себя несколько неестественно. Я не знаю, случится ли такое, но психологически я к этому не готов. Как ученый я готов изучать, но как рядовой гражданин — я боюсь.

В. Е. ЧУРОВ

— Не хочу отнимать лавры у известного адвоката, но намерен выступить в роли защитника. Прежде всего я хочу защитить нашу массовую культуру, по крайней мере, в двух ее проявлениях: продукции кино и книгоиздания. На Западе уже появились, как раньше бы сказали, злопыхательские заметки о русской киношизофрении. Для них совершенно непонятно и непредставимо, что сериалы на основе литературной классики могут пользоваться массовым спросом. Равно и то, как быстро вытеснили наши фильмы по сборам всю остальную кинопродукцию: в 2006 г. в первом полугодии первые шесть мест занимают российские картины. Что касается издательской деятельности, то при известной нам с вами деградации редактуры и перевода в целом, мы никогда еще не имели такой возможности выбора книг. Во-вторых, я хотел бы защитить американскую культуру — опять же в некоторых ее проявлениях. И хотел бы обратить ваше внимание на то, что мы с вами воспринимаем прежде всего те элементы американской культуры, которые по сути являются исконно русскими. Нынешняя мода на американское кино 1930–1950-х гг. — это кино, созданное русским Голливудом. Другое дело, что, к сожалению, и основатели Голливуда, и актеры, и режиссеры до определенного периода предпочитали скрывать свое российское происхождение. Кроме того, примером прекрасного проникновения американской культуры в российскую действительность является высокохудожественный, высокоинтеллектуальный университетский журнал «Очень^{UM}», который, безусловно, лучше аналогичных журналов американских университетов. Такой журнал в России прежде не издавался. И в-третьих, я хотел бы защитить доллар. Вы знаете, что Государственная Дума, и я в том числе, запретила употребление доллара, но в душе я категорически против этого, потому что знаю, что доллар и рубль — это братья, у них один отец — талер. «Обрубленный» талер — это рубль, а талер в произношении на американском континенте — это доллар. Поэтому мы должны заставить американцев точно также любить рубль, как мы готовы любить доллар. И последний призыв. Страх — нехорошее чувство. Давайте ничего не бояться, в том числе и глобализации, а разумно к ней подходить, анализировать, ставить там, где нужно, барьеры и фильтры. Вот пример того, как не надо бояться глобализации. Глобальная транснациональная корпорация TNK BP, в руководстве которой, как мне известно, нет ни одного православного человека, реставрирует Александро-Невскую лавру в Санкт-Петербурге.

В. П. ЛУКЬЯНИН

— Несмотря на жесткость регламента, я хочу разделить это короткое выступление на две части. Теоретическое вступление: мы очень много спорим, оперируя не глубинно понятиями явлениями, а идеологическими стандартами. Вот популярнейший стандарт: нет в мире лучшего устройства, нежели демократия. Но это лишь один из способов, который может обсуждаться, и, может быть, в разных условиях он не самый лучший. Теперь переходжу к сути. Да, мы обсуждаем проблему глобализации. Это процесс естественный, неостановимый, но в нем участвуют две тенденции, прямо противоположные. Одну тенденцию очень политкорректно организаторы чтений назвали «национальной самобытностью». Но, вообще говоря, это и тенденция к национальному изоляционизму. Другая тенденция — толерантность. Тенденция к изоляционизму вырывает человека в том случае, когда мы знаем все вместе относительно мало по сравнению с бесконечным неизвестным нам, не исследованным до конца миром. Тогда мы опираемся на традицию, на инерцию. Что касается толерантности — надо любить и уважать друг друга, но, следуя путем толерантности, мы разрушаем основную тенденцию, лежащую в основе нашего культурного развития.

А. В. КУЗНЕЦОВ

— Я хотел бы сказать несколько пессимистических слов по поводу диалога культур. Мне кажется, что большинству нормальных людей, даже не очень образованных, общение, любое соприкосновение с чужой культурой интересно просто потому, что интересно, в том числе и на бытовом уровне. Что этому мешает? Ксенофобия. Причем под ксенофобией я понимаю не те абсолютно мне понятные и мной разделяемые опасения, которые высказал А. С. Запесоцкий, а именно агрессивное неприятие права других людей быть другими. И в этом смысле я полон, так сказать, самого черного пессимизма.

Во-первых, бороться со взрослыми, сформировавшимися людьми, мне кажется, не имеет смысла, их уже не переделаешь, их можно только ограничивать определенными рамками, правилами поведения, предписанного законом. Но здесь мы, простые граждане, почти бессильны, это обязанность власти. Значит, бороться надо за умы, в первую очередь молодого поколения. И вот здесь, мне кажется, ситуация абсолютно беспросветная. Кто формирует умы молодого поколения? Семья. Здесь мы ничего сделать не можем. Ни общественность, ни государство, никто.

Во-вторых, школа. И вот здесь, на мой взгляд, самое страшное, потому что по мое-

му опыту, и дай бог, чтобы я был не прав, подавляющее большинство современных учителей — люди, ксенофобией зараженные и несущие ее своим ученикам. Этому можно найти множество объяснений, которые будут вполне логичны. Это, так сказать, и материальное положение учителей, которое никогда, к стати, не было блестящим, но таким плохим не было при советской власти, по крайней мере в последние ее десятилетия. Это и утрата определенного общественного уважения, все-таки, как бы то ни было в 1960–1970-е гг. (про другие мне трудно судить), учитель был окружен общественным уважением. Сейчас это значительно меньше чувствуется. И в результате получилось, что в классе один на один с 20–30 учениками остаются люди разочарованные, зачастую озлобленные, и, к сожалению, подавляющее большинство учителей не учатся, скажем, у Ш. А. Амонашвили, не читают его книг, не читают книг других учителей-гуманистов. Это люди, так сказать, пропагандирующие идею «Россия для русских» в самом ее примитивном исполнении, ну а некоторые и еще более крайние идеи «бей — спасай». И при том, что практически новых молодых «потоков» в школу не идет. Боюсь, что в ближайшие годы ситуация не изменится.

Кто мог бы повлиять в этом смысле на умы молодых людей? Это интеллигенция. Мне кажется, в последние пять-шесть лет сложилась ситуация уникальная, которой в нашей истории пока не было. Дело в том, что российская интеллигенция качественно отличается от того, что принято называть «людьми умственного труда» — это не просто люди умственного труда, это люди с определенной нравственной позицией, с определенными жизненными установками. Как мне кажется, в большой степени этот слой общества был сформирован властью, ее оппозицией к власти. Начиная со второй половины XIX в. интеллигент не обязательно активно выступал против власти, но, по крайней мере, внутренне относился к ней достаточно настороженно. И пока власть в свою очередь демонстрировала этим людям свое неприятие, преследовала их, пока она затыкала им рот, тем самым она их поддерживала, как это ни парадоксально. А то, что я наблюдаю последние пять лет — это просто полное игнорирование интеллигенции. И с этой точки зрения я не представляю себе, как можно пропагандировать интернационализм в хорошем смысле этого слова, если те, кто должны его донести до людей — в большинстве своем, к сожалению, мне кажется, этого делать не будут.

А. Г. КУТУЗОВ

— Мне вспомнилась ситуация, в общем, может быть и парадоксальная, но тем не менее имеющая отношение к тому, что мы сегодня обсуждаем. Я вспомнил 1916 г., Таврический дворец и выступление графа Игнатьева — тогдашнего министра образования Российской империи в Думе с предложениями по поводу реформирования системы российского образования. Вы, конечно, все помните, что речь шла о демократизации внутренней жизни и возврату к национальным образовательным ценностям. Самое удивительное то, что ему досталось со всех сторон: и от тогдашних демократов социал-революционеров и от сторонников самодержавия. В результате реформа не состоялась. Очень ценные и важные подходы, которые там были заложены, ушли надолго, и сейчас мы пытаемся что-то возродить.

Итак, реформа умерла, но победу одержали марксисты. На мой взгляд, марксизм — это достаточно жесткий материализм, а если экстраполировать на человека — это пессимизм. Следующая победа такого плана — это победа российского экономического либерализма, а в моем понимании — еще более жесткий материализм и в каком-то смысле даже не пессимизм, а духовная пустота. В рамках такой пустоты проблемы толерантности не существует, потому что, если место пустое, оно легко занимает чем угодно, что сегодня может быть активно внедрено средствами массовой информации. Значит, если мы все-таки хотим, чтобы диалог культур был и проблема толерантности оставалась актуальной, мы должны возвращаться к некоей системе ценностей, которая принимается большей частью народа. Эти ценности формируются и разрушаются веками. Если эти ценности разрушены, значит, народ перестает существовать. Но разрушить их очень тяжело. Обратите внимание, что с 1991 г. перестали говорить о воспитании в школе, потому что считалось, что любое воспитание — это идеологически мощный пресс, против которого надо бороться. Но ведь от идеологии все равно никуда не уйдешь. Так вот, образовывать можно практически одинаково по общим лекалам, а воспитывать таким образом не получится. Воспитание всегда происходит в рамках определенной системы национальных ценностей, размытие которой чрезвычайно опасно. И здесь проблема толерантности встает очень остро. Мы говорим нашим ученикам, что А. В. Суворов — наш национальный герой, а в Польше, вы понимаете, отношение к нему принципиально другое. Что в этой ситуации нам с вами делать как людям, которые хотят жить в единой Европе? Надо признать, что

он на самом деле не герой или наполовину герой?.. Такие примеры можно приводить бесконечно, но опасность эта преодолима. Она преодолима не с помощью подбора толерантных интерпретаций, а лишь введением в обязательном порядке толерантности в систему национально-образовательных ценностей. Сейчас это сделать чрезвычайно сложно, потому что, если вы помните, до сих пор не сформулирована новая цель образования. Последняя цель была сформулирована в 1990 г., и она звучит приблизительно так: «Разностороннее развитие личности». Фактически это интерпретация советской формулы: «Всестороннее развитие личности — строителя коммунизма». Поддерживая мнение академика Ю. В. Сенько, необходимо сказать: существующая сейчас наукоцентричная организация учебного процесса неизбежно приведет к тому, что проблем толерантности не будет, потому что будет пустота.

Б. Г. ЮДИН

— Когда мы познаем другую культуру, то мы познаем тем самым и самих себя, и когда мы взаимодействуем с другой культурой, мы также познаем самих себя. Поэтому ксенофобские настроения особенно опасны, потому что мы сами себя теряем.

Дискуссия по поводу мультикультурализма и прав человека — насколько они универсальны — актуальна, но я хотел бы обратить внимание на то, что все страны — члены Организации Объединенных Наций остаются таковыми, поскольку они согласились с некоторыми универсальными нормами в области прав человека. То же самое касается и ЮНЕСКО, и других международных организаций. Значит, есть какая-то универсальная составляющая в правах человека, с которой нельзя не согласиться, не будучи изолированным от мирового сообщества. Мне довелось работать над Декларацией ЮНЕСКО, которая была принята в октябре прошлого года, — это Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека. Было очень много споров, работа шла тяжело, поскольку отстаивались вопросы культурной самобытности, шедшие вразрез с гуманистическими нормами.

Г. А. САТАРОВ

— Я попытаюсь ответить на ваш вопрос, сославшись в качестве иллюстрации на следующий пример. Почему игорный бизнес рентабелен — я имею в виду честный игорный бизнес, где честно крутится рулетка, честно бросается шарик и абсолютно случайно куда-то попадает, на какое-то число и какой-то цвет. А рентабелен он только потому, что

люди с упорством, достойным лучшего применения, используют против игорного бизнеса детерминированные стратегии. Все, что можно сделать с игорным бизнесом, это свести его рентабельность к нулю, но у него нельзя выиграть. Теперь по поводу столкновения воли. Я вам расскажу про одно такое, абсолютно типичное, происходящее каждую пятницу, особенно летом, в Москве. Ближе к концу дня, когда все автомобилисты едут на дачу, каждый стремится обогнать соседа. Что в результате этого получается? Столкновения, гигантские пробки, и в итоге проигрывают все воли вместе. Если бы они ехали нормально, со скоростью 80 км/ч, доехали бы, конечно, не быстро, но за два часа. А в результате столкновения воли все без исключения доезжают за пять часов. Я, конечно, немного утрирую картину, но такова абсолютно типичная ситуация человеческого столкновения воли. Теперь немного теории. Мой любимый Фуко в своей книге «Слова и вещи» написал, что современности — «модернити» — всего 200 лет. А что отделяет модернити от не-модернити, то есть не пост, а до? Представление о том, что на социальный порядок можно влиять. То есть раньше, до модернити философы и историки обосновывали существующий социальный порядок, а после — начали обосновывать необходимость и возможности его изменения. Назовите мне хотя бы один успешный проект изменения социального порядка? Нет ни одного.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ

— Порядок меняется, тем не менее.

Г. А. САТАРОВ

— Да, конечно, меняется. Точно так же, как менялся человек. Мы, совершенные, умные, дискутирующие на тему толерантности и столкновения цивилизаций, являемся результатом какого-то осмысленного проекта? Отнюдь — филогенетического дрейфа. Лауреаты Нобелевской премии пишут нам о том, что более-менее эффективные институты рыночной экономики — результат случайного институционального дрейфа. С этим надо смириться. В космогонии Древнего Египта люди уже успели смириться с тем, что хаос — это плодотворно, хаос попеременно сменяет порядок и т. д. Потом мы об этом забыли. Теперь хаос для нас — враг, да? Не поймите меня неправильно, что я, так сказать, проповедник полного индетерминизма — нужно складывать руки и т. п. Я просто в полемическом задоре пытаюсь маятник качнуть немножко дальше, чем было бы разумно с точки зрения корректности чисто научной.

Г. М. РЕЗНИК

— Все люди рождаются равными в своей свободе и достоинстве, гласит текст Декларации прав человека. Это некая идея, до которой додумалось человечество, но это вовсе не означает, что люди по природе своей равны. Давайте разделим сферу права и морали и сферу культуры. Как говорит профессор Согрин, «все культуры равны». Что это значит? Они в правовом отношении равны, потому что каждый, кто исповедует какую-то культуру, имеет такое же право ее исповедовать и придерживаться, как все другие люди. Но все ли национальные культуры на территории бывшего Советского Союза, России по вкладу в мировую культуру равны? Единственная культура мирового уровня, которая существовала на территории Советского Союза, была русская культура. Я никого не хочу обидеть, потому что в русскую культуру внесли вклад люди разных национальностей — грузины, узбеки, украинцы, мои соплеменники евреи, чем я горжусь. Поэтому всех нас здесь объединяет тревога за судьбы великой русской культуры, за русский язык, который является родным для всех нас. И я не совсем согласен с академиком Лихачевым в том, что мы европейцы. Но с другой стороны, конечно, ценности христианской культуры — архетип средиземноморский, который затем дал европейца, — конечно, нам ближе всего. И здесь, соответственно, мы должны быть согласны с тем, что повторял академик Лихачев — мы должны идти по пути европейской культуры.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ

— В заключение сделаю несколько ремарок, совершенно не будучи убежденным, что я абсолютно во всем прав. Во-первых, я бы не хотел, чтобы среди присутствующих кто-то подумал, что здесь шел спор о том, уважаем ли мы права человека или нет. Безусловно, уважаем. Но мне кажется, что в жизни все-таки все немного сложнее. Если перед нами встанет конкретный выбор — жизнь ребенка или право какого-то человека, мы выберем жизнь ребенка. А значит, будет альтернатива между правами двух людей. Права человека, признанные международными организациями, никто, конечно, не оспаривает. И мне кажется, что диалог культур не предполагает, что в конечном счете все должны быть одинакового мнения по всем вопросам, а инакомыслящие должны быть уничтожены. Но есть два очень серьезных вопроса, которые сегодня были затронуты и по которым мне хотелось бы высказаться. Первый из них связан с массовой культурой. На мой взгляд, Д. С. Лихачев стал в нашей стране

явлением массовой культуры. И это очень хорошо. А вот когда явлением массовой культуры становится телепрограмма «Дом-2», — это очень плохо. Массовая культура бывает разная, встречаются в ней такие явления, по поводу которых мы не можем однозначно сказать, хорошие они или плохие. Мне кажется, что массовая культура нужна обязательно, но она должна пропагандировать высшие ценности, потому что задает образцы поведения, определяет нормы и идеалы. Именно поэтому «Дом-2» воспринимается как нечто неприемлемое, а Д. С. Лихачев должен стать образцом культуры для всех, и все должны жить по его этическим принципам. Я упрощаю немного, конечно, но хочу показать тенденцию.

Второй вопрос, который мне хочется затронуть, касается дилеммы «изоляция — толерантность». Думаю, ни полной изоляции, ни абсолютной всеядности в культуре быть не может, но я не знаю, где истина. Она,

может быть, даже не посередине. Человек способен существовать в разных культурах. Например, молодой человек может одновременно жить и в культуре молодежной компании, и в рафинированной культуре своих родителей. Мы не изучаем эти механизмы. Самое главное, мне кажется, чтобы не происходила дезорганизация личности в результате пребывания в разных культурах. Но есть одна проблема, к которой, по-моему, наша наука вообще еще не нашла подхода. Почему так обострилась проблема культуры? У каждой общности есть свои ценности, нормы, лидеры, культурные традиции и в связи с этим очень важен пространственный центр локализации. Настоящие столкновения культур начинаются там, где одни общности начинают вытеснять другие. Механизмы, как это происходит, не изучены еще ни отечественной, ни мировой наукой. Здесь у нас есть перспективы.